

Зов земли. (рассказ)

Чтоб почувствовать себя живой, стараюсь свой долгий трудовой день закончить пробежкой. Маршрут мимо детского садика, потом школа и стадион. И снова на меня мысли: "Вовсе не интересно, потому что не мой садик и не моя школа". Моё за десять тысяч километров... словно в тридцатом царстве. Сейчас там морозы и хрустит снег под ногами, а здесь и зима-то нет. Как я хочу пройтись по снегу! В голове слышу голос Светланы Васильевны: "Анна, в математике ты королева! Да во всём ты королева, причём счастлива. Ты всегда улыбаешься. Я в восхищении!" В восхищении от дождя и папюга, и мамюга. Только счастлива ли я?

У меня была обидная мечта. И какой бы несбыточной она покажется, я всё же её осуществила. Имею хорошее образование, работаю в элитной фирме и живу в шикарном городе, где подым незнаком морозный дух зимы. После работы меня ждёт квартира, мягкая кровать... гульное чувство пустоты внутри. Нет привязанностей. Есть потерянности, неуверенность.

Как часто, засыпая, я возвращаюсь мыслями к окутанному сотками роднику посёлку. Вспоминаю надоедливый гул железной дороги и улыбаюсь: там работает мой папюга. Сейчас мама уже с работы бежит домой, думаю, что приготовить на ужин.

На подворье сознание мелькнул знакомый образ. Валянка. Как-то зимним вечером он сказал мне о самом сокровенном - своей мечте. Мы сидели на уютной кухне, наполненной лёгким запахом дыма и горького какао. На столе слабо коптилась, догорала свеча. Мы, ещё совсем дети, завороченно смотрели на дрожащий огонёк. За окном была настоящая зима, со свистом подбивавшим, с толчками в окна. А дома тепло и не страшно. Жирный кот, обзевшись рибом, тихо посапывал в кресле. И вдруг неожиданные слова Ваши: "Давай остаешься здесь навсегда. А я нас буду защищать". Тогда я подумала: какой же он глупый. Но в итоге глупой оказалась я.

Мы всегда были такими разными. Он - катание на санях, я - перка шевелина. Он - собаки, я - кошки. Он - стабильность, я - независимость. Но как же в наших головах появился этот неповторимый источник ценностей? Возможно, он был соткан из плавящего аромата летней травы у крыльца дома. А может, из хрустально густого осеннего воздуха и охапок бурой листвы в руках. Какой бы ни была правда, я знаю лишь одно: всё это - след прошлого, незримо преследующее нас до конца. Это зов родного дома. Зов родной земли.

Уже далеко за полночь. Даже город утихомирился. А где мой мир? Моё счастье с дорожки мне подыти, где я буду незаметной? Это отклик на слова моего папюшки: "Что-то не устраивает? Незаметных нет." Жоджал под себя ноги, стараюсь думать о хорошем. Валянка - закадычный друг. Такой свой и далёкий. Он остался где-то там,

в мире детства. В родном поселке. Он там незаметен, это можно. Из памяти всплывают до боли знакомые образы, наполненные привкусом отроческого мировосприятия. Вот отвесной карьер, огромнейшей великаном возвышающийся над гладью озера. Это место - тайный уголок многих жителей Шкотовского района. Стеньгак везёт туда модницу, чтобы навсегда покорить её сердце небывалой красотой. Нет, лучше побродить вдвоём по цветочному полю, а потом снова смотреть на гладь озера под тению скал.

А как хорош наш лес! Волшебный мир своих звуков, деревьев, растений. Тихоход в лес - счастье. Дядя Коля - крепкий, жилистый старикок - знает о нём всё. Он приучил нас ходить в лес раньше утром, чтоб почуять силу от запаха настоявшейся за ночь, просыпающейся земли. Тюд многообразие птиц мы все вместе бродим по особенным тропам в поисках не только грибных мест, но и драгоценного растения. Ветви кустарников хлестали по румяным щекам, но это такая ерунда, ведь у нас была цель! Меньшень - лекарство от многих болезней. Дядя Коля бережно выкапывал его корень, похожий на геловега, а потом растил дальше в особой теплице. Дядю Колю мобили все, потому что он жил не для себя. Сначала - для троих славных сновей, а потом - для других людей. Именно он бескорыстно помогал лечиться своими настойками корешков, трав, табачки и мёдом. Именно он находил и выкапывал редких птиц и покалеченных животных.

Старые воспоминания никогда не сотрутся. На кончике моего языка навечно отлегалась терпко-сладкий вкус киш-миша, жгучая кислотаминишка на губах. Любимое лакомство кедровки и орешкиши, когда Ваше щёлкает, и ем. В моей памяти навсегда останутся высокие вежные деревья и лесной взгляд голубых Вашиных глаз напротив. И ещё одно: та искренняя, беззащитная доброта, что царит в геловежских сердцах.

И вдруг через меня током прошла боль. Он принёс мне веточку багушкина, на котором уже раскрылся один цветочек, это удивительно аристократичный цветок, а я холодно и равнодушно сказала о том, что нельзя рвать багушкин. Потом было целовко говорить о главном. Он молчал, ушёл. А утром я уехала. Как стыдно за себя...

Жодавишись порыву, вскакиваю с постели, иду к окну... Потом назад, за телефоном...

- Крикет - тихо звучит спокойный голос в моей одинокой тишине.

* * *

- Передай налоговой отчет за квартал и представь реквизиты к...

Я стою посередине строгого, богато оформленного кабинета. Мыски герметично лакированных туфель упираются в узор ковра. Поток слов, исходящий от гендиректора, отдаётся в невнятной голове противным звоном. Окружение постепенно сливается в одну однородную, дребезжащую, неслышимую звуковую массу.

- Я уезжаю в отпуск, Эдуард Владимирович.

Осознание сказанного только что на миг олушает. Я искала выход, и я его нашла! Я выталкиваю воздух из лёгких и поднимаю глаза на раставленную фигуру шефа.

- Какой отпуск, Симакина?! - вдруг взрывается серое лицо от злобы, - ПНН хоть вынимали, это мы квартал закрываем? Да у нас дебит с кредитом не сходится, сколько им пересчитывать, мы должны...

- Значит, я увольняюсь.

Тромяк молгаше упираю между нами, раздавив под собой все остальные звуки. Генеральный директор ОАД "..." держал паузу. А я, стараясь быть королевой, сделала несколько шагов к столу и положила написанное утром заявление об увольнении. Развернулась, как солдатик, руки по швам - и на выход; захлопываю зубовую дверь. Что я делаю?

* * *

Воздух разрывает глухое тупжаше двигателя. Салон пассажирского самолёта наполнен уютными доловитыми покоем. Лететь долго, но заснуть не могу. Ожидание встречи со знакомыми с детства местами, подмигивает в груди лёгкой болью и даже страхом. Во мне поселился безжизненный гервегон сомнения. Всё ли я делала правильно? Вот только в сердце каждой миг отдаётся зов такой далёкой, но до боли родной земли. Мне ли не знать, каково это, когда душа каждой день неизменно просит чего-то близкого, настоящего. Этого, это будет с тобой навсегда.

- Наш самолёт успешно приземлился. Спасибо, это повызаетесь услуги...

Я подрываюсь с места. Люди вокруг уже суетливо собираются и выстраиваются в длинную очередь. Наконец-то приближалось к просторному выходу. Хадает снег! В лёгкие ударяет знакомый запах. Вот он, аромат счастья, вниманий вместе с первым вздохом. Поднимаю глаза и вижу вдаль родные сопки. Они все в деревьях. Они все в снегу. Они спят в уютном хопде, а я оживаю. Во мне расцветает багровый, а на лице тает снежинки. Мне хочется жить, жить.

Спустившись вниз по трапу, ступаю на землю. Тепло охватывает грудь. От ветра от холода? - успокаиваю себя.

Я пробегаю взглядом по длинной полоске ограждения. За стеклянной стеной стоит Валяка. Держит в руках большой букет. Он поднимает голову, и наизусть заставив в перешитые кости, его глаза вспыхивают и встречаются с моими.

В груди разливается ясное потешаше: "Всё правильно. Я нужна здесь". Улыбаюсь и делаю шаг в новую жизнь.